

Военная летопись Бабеля

На конференции-курсах молодых писателей национальных республик 30 декабря 1938 года на вопрос одного из слушателей «Как вы работали над своим произведением “Конная армия”?» Исаак Бабель ответил: «Самым простейшим образом. Во время кампании я написал дневник, к сожалению, большая часть его погибла. В дальнейшем я писал, пользуясь этим дневником, — уже больше по воспоминаниям, и отсутствие, может быть, единства или сюжета объясняется отсутствием этого дневника»*.

Речь шла о конармейском дневнике Бабеля, известном сегодня как дневник 1920 года.

Это высказывание осталось единственным публичным упоминанием писателем своего дневника, который он вел, находясь в Первой конной армии во время советско-польской войны. С одной стороны, Бабель указывал на связь походного дневника с книгой «Конармия», с другой — маскировал довольно тесный характер этой связи. Ведь многие записи — какие-то практически целиком, но чаще несколькими переосмысленными деталями, штрихами — послужили основой для рассказов конармейского цикла. Хотя некоторые фрагменты дневника остались за пределами книги и, наоборот, ряд конармейских рассказов к нему отношения не имеет.

* ОР ИМЛИ. Ф. 43. Оп. 1. Ед. хр. 924. Л. 36.

Дневник дошел до нас не полностью: отсутствует начало, судя по пагинации имеющейся в нашем распоряжении его части, это 54 страницы. Возможно, первые дневниковые записи пропали тогда же, во время польской кампании. Сохранившаяся тетрадь содержит 203 заполненные страницы, поэтому, вопреки утверждению Бабеля, можно говорить о том, что до нас дошла бо́льшая и, судя по всему, наиболее важная часть дневника. Единственное событие в книге «Конармия», оставшееся за хронологическими рамками сохранившихся дневниковых записей, — взятие частями Первой конной армии Новоград-Волынского 27 июня 1920 года — в открывающем цикл рассказе «Переход через Збруч» (хотя в начале дневника операция по овладению Новоградом упоминается).

Бабель вел дневник регулярно, записи делались почти ежедневно. Отсутствуют записи за четыре дня — с 7 по 10 июля, а с 11 июля по 18 августа включительно не был пропущен ни один день. Нет записей за 19 и 20 августа, точнее Бабель их не выделил, а отображенные за эти дни события помещаются внутри даты 18 августа. С 21 августа по 15 сентября также нет пропусков. Есть в дневнике одна сдвоенная запись — за 23 и 24 августа — и одна запись, объединяющая три дня — 3, 4 и 5 сентября.

Характер и объем дневниковых записей, а порой и сама возможность сесть и что-то записать, зависели от обстановки — походной или бытовой. Например, 5 июля появилась такая пометка: «Пишу дневник. Есть лампа». Или, нао-

борот, 13 августа Бабель записал: «...прервал писанье, в 100 шагах разорвались две бомбы, брошенные с аэроплана».

Установлено, что первые четыре записи, сделанные в Житомире и Ровно, датированы Бабелем 3, 4, 5 и 6 июня (месяц обозначен арабской цифрой «6») ошибочно, и речь идет о тех же числах, но не июня, а июля. Все события, которые зафиксированы на этих страницах дневника, не могли произойти в начале июня 1920 года ни в Житомире, ни в Ровно. Об этом свидетельствует сопоставление дневника с реальными военно-историческими событиями.

Оба города в те дни находились еще в руках неприятеля. Части Первой конной армии вошли в Житомир 7 июня: в донесении ДД. Коротчаева, тогдашнего начдива 4, было сказано, что дивизия заняла Житомир после боя у Левкова, в 18 часов. Оставив небольшой отряд для комендантской службы, конармейцы покинули город. 8 июня Житомир находился без власти, а 9-го туда вернулись поляки. Первой конной армии удалось вновь войти в город только 12 числа*. Не мог Бабель прибыть 3 июня в Житомир на поезде: железная дорога от Фастова (откуда, скорее всего, он выехал) до Житомира проходила через Казатин и Бердичев. Все три города и, соответственно, все три железнодорожные станции в первые числа июня находились в руках противника. Еврейский погром, учиненный поляками, о котором упоминается в первой и второй записях,

* См.: Буденный С.М. Пройденный путь. Кн. 2-я. М.: Воениздат, 1965. С. 115, 118.

происходил с 9 по 11 июня. Интервью с Б.Н. Поллаком об «операции по овладению Новоградом» было невозможно за три с половиной недели до самой операции (и начала она разрабатываться только в двадцатых числах июня). 5-го числа Бабель отметил в дневнике: «Получил в поезде — сапоги, гимнастерку. Еду на рассвете в Новоград». Разумеется, о такой поездке не могло быть и речи в начале июня. Город Ровно же, где сделана эта четвертая запись, был взят Красной армией только 4 июля. Кроме того, в первой сохранившейся записи речь идет о вечере пятницы и кануне субботы, в то время как 3 июня 1920 года приходилось на четверг, а 3 июля как раз на субботу. Следовательно, Бабель приехал в Житомир «за гимнастеркой и сапогами» 2 июля 1920 года, в пятницу, утром. И описал он в дневнике все, что с ним произошло, что он наблюдал, о чем он узнал именно 2 июля. Сделал же он эту запись 3 июля, после полуночи или ранним утром, с наступлением уже не только религиозной, но и календарной субботы.

Следовательно, пропуска в месяц, как когда-то считалось, в дневнике нет, разрыв между записями составляет только четыре дня, и мы располагаем практически непрерывными дневниковыми заметками писателя за два с половиной месяца. Последняя запись помечена 15 сентября 1920 года. Скорее всего, после этой даты дневник не велся, однако никаких прямых доказательств тому в настоящее время не существует.

Главной целью пребывания Бабеля в Первой конной армии было как можно больше увидеть

и потом это увиденное описать в художественной форме. Свой дневник, судя по всему, он рассматривал в первую очередь как источник и подготовительный материал к будущему произведению о Гражданской войне. Именно поэтому в дневнике так часто повторяются слова «описать», «запомнить», «передать»: «...описать солдат и баб, толстых, сытых, сонных» (3 июля); «Сломанные мосты, автомобиль на мостках, все трещит, бесконечные обозы, скопления, ругань, описать обоз в полдень перед сломанным мостом, всадники, грузовики, двуколки со снарядами» (6 июля); «Описать ординарцев — наштадива и прочих...» (13 июля); «Описать — поездка с начдивом, небольшой эскадрон, свита начдива, Бахтуров, старые буденновцы, при выступлении — марш <...> описать происхождение этих отрядов <...> описать наших солдат...» (16 июля); «Описать — убранство их коней, сабли в красном бархате, кривые сабли, жилетки, ковры на седлах» (18 июля); «Запомнить картину — обозы, всадники, полуразрушенные деревни, поля и леса, дубы, изредка раненые и моя тачанка» (24 июля); «Передать дух разрушенного Лешнюва, худосочие и унылая полузаграничная грязь» (25 июля); «Описать день — отражение боя, идущего в нескольких верстах от нас...» (28 июля); «За этот день — главное — описать красноармейцев и воздух» (3 августа); «Запомнить — фигура, лицо, радость Апанасенки, его любовь к лошадям...» (5 августа); «Интервью с Апанасенком. Это очень интересно. Это надо запомнить» (11 августа); «Описать чувство всадника» (18 августа); «...описать воздушную атаку...»

(18 августа); «Невыносимое чувство, бежать от вандалов, а они ходят, ищут, передать их поступь, лица, шляпы, ругань <...>. Описать этот непереносимый дождь» (29 августа) и т. д.

Однако конармейский дневник Бабеля не только послужил подготовительным материалом для книги, он стал важнейшей частью литературного наследия писателя, самостоятельным произведением, имеющим как документальную, так и художественную ценность. Многие страницы дневника пронизаны образностью, художник зачастую берет верх над обычным летописцем: «Штаб переходит в Новоселки, 25 верст. Еду с начдивом, штабной эскадрон, скачут кони, леса, дубы, тропинки, красная фуражка начдива, его мощная фигура, трубачи, красота, новое войско, начдив и эскадрон — одно тело» (16 июля); «Перед нами дорога, разбухшая от дождя, пулемет вспыхивает в разных местах, невидимое присутствие неприятеля в этом сером и легком небе» (1 августа); «Все таинственно и просто. Люди молчат и ничего не заметно к<а>к будто. О, русский человек. Все дышит тайной и грозой» (29 августа).

Дневник писался не для посторонних глаз и не предназначался для печати. Во многом этот документ носит исповедальный характер: «И вдруг одиночество, течет передо мною жизнь, а что она обозначает» (4 июля); «У меня тоска, надо все это обдумать, и Галицию, и мировую войну, и собственную судьбу. Жизнь нашей дивизии <...>. Я чужой...» (26 июля); «Почему у меня непроходящая тоска? П<отому> что далек от дома, п<отому>

ч<то> разрушаем, идем к<a>к вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде» (6 августа).

На страницах дневника Бабель предельно откровенен, он не раз подчеркивает, что рассказывает местному населению «небылицы о большевизме», в которые сам не верит, дает себе весьма нелестные характеристики: «Я жаден и жалок» (1 августа); «Прихлебательствую» (21 августа); «Пресмыкательствую, зато ем» (3–5 сентября).

Дневник Бабеля содержит краткое описание военных событий, бытовые зарисовки, характеристики командного состава армии, рядовых бойцов и штабных работников, дающие возможность судить о соотношении факта и вымысла в конармейских рассказах. Дневниковые записи изобилуют и целым рядом деталей, которых мы не найдем ни в свидетельствах очевидцев событий, ни в официальных документах и хронике. Например, не раз встречающиеся весьма откровенные характеристики участников Первой конной: командующего армией С.М. Буденного, члена Реввоенсовета К.Е. Ворошилова («бродило всей армии»; 28 августа), начдива С.К. Тимошенко, будущего маршала, и сменившего его И.Р. Апанасенко, комиссара П.В. Бахтурова, начальников штаба 6-й дивизии К.К. Жолнеркевича и Я.В. Шеко, комбрига В.И. Книги. И вместе с тем дневник 1920 года вводит нас в круг малоизвестных или совсем неизвестных участников Первой конной, как, например, помощников начальника штаба 6-й дивизии Р.Р. Лепина, А.Н. Соколова,

Л.А. Орлова, Э. Мануйлова и Богуславского, повозочного штаба дивизии Степана Матяша и др.

Ни о каком другом отрезке жизни Бабеля мы не знаем настолько подробно, как об этих отраженных в дневнике двух с половиной месяцах, проведенных им в 6-й дивизии Первой конной: о его передвижениях, быте и круте общения, переживаниях и духовных поисках, о том, наконец, какие обязанности он выполнял, находясь в дивизии: он был военным корреспондентом армейской газеты «Красный кавалерист»; вел журнал военных действий, помогал оформлять штабную документацию; сопровождал начдива, вызванного 21 июля командармом на совещание в Козин, а 22 июля делал доклад в Полевом штабе армии; вел учет пленных и переводил при допросах. Он разделял с конармейцами тяготы походной жизни и напряжение боев: «...беспрерывные бои, я веду боевой образ жизни, совершенно измучен...» (18 августа); «Мой первый бой, видел атаку <...>. Настроение перед боем, голод, жара, скачут в атаку...» (18 августа).

Дневник сохранила киевская переводчица М.Я. Овруцкая, у которой Бабель иногда останавливался, бывая в Киеве. Возможно, он оставил ей дневник, уезжая за границу в 1927 году. Получив тетрадь у Овруцкой, друг семьи Бабеля Т.О. Стах переслала ее вдове писателя А.Н. Пирожковой, впоследствии расшифровавшей дневник и подготовившей его к печати.

Впервые дневник процитирован в предисловии И.Г. Эренбурга к первому посмертному сборнику Бабеля 1957 года. Более развернутые цитаты

содержатся в статье Л.Я. Лившица «Материалы к творческой биографии Исаака Бабеля», опубликованной в четвертом номере журнала «Вопросы литературы» за 1964 год, и в статье И.А. Смирин (готовилась в соавторстве с А.Д. Синявским) «На пути к “Конармии” (Литературные искания Бабеля)», представляющей собой предисловие к новым материалам писателя для 74-го тома «Литературного наследства». Смирин, в частности, отмечал, что в дневнике встречается «множество имен, фактов, красок, деталей, которые впоследствии — художественно преображенные — войдут в “Конармию”», и что «через все записи рефреном звучит намерение описать это когда-нибудь, воплотив в образы, и повсюду расставлены вехи и сделаны зарубки будущих произведений»*.

В 1971 году А.Н. Пирожковой и С.Н. Поварцовым были напечатаны отрывки из дневника в «Литературной газете». В 1989-м в журнале «Дружба народов» состоялась расширенная публикация фрагментов дневника, сопровождавшаяся вступительной статьей Г.А. Белой, в которой проводилась основная мысль о самодостаточности конармейского дневника Бабеля**. Полностью дневник был впервые опубликован в 1990 году одновременно в двух изданиях: в двухтомнике произведений Бабеля, подготов-

* Смирин И.А. На пути к «Конармии» (Литературные искания Бабеля) // Из творческого наследия советских писателей. М.: Наука, 1965. С. 474. Серия «Литературное наследство». Т. 74.

** См.: Белая Г.А. «Ненавижу войну»: из дневника 1920 года Исаака Бабеля. [Предисловие] // Дружба народов. 1989. № 4. С. 238–242.

ленном Пирожковой*, и в посвященном «Конармии» однотомике**.

В настоящей книге дневник печатается с сохранением ряда особенностей авторского написания. В соответствии с оригиналом печатаются слова «казак» и «козак»; сохраняются разные варианты одних и тех же фамилий: Жолнеркевич и Жолнаркевич, Хилемская и Хелемская, Гришчук и Грищук, Матяш и Матяж; приводятся оба варианта названия одного населенного пункта — Лешнюв и Лешнев. Не подвергаются унификации авторские обозначения места и даты. Сокращенные автором слова раскрываются в угловых скобках. Сомнительные места отмечаются вопросительным знаком <?>. Неразобранные места обозначены условными сокращениями <нрзб.> или <1 сл. нрзб.>.

Помимо конармейского дневника в данное издание вошли три газетные серии Бабеля — 1918, 1920 и 1922 годов.

С 9 марта по 2 июля 1918 года в петроградской газете «Новая жизнь», которую редактировал М. Горький, было опубликовано 17 очерков Бабеля. К ним примыкают два очерка, помещенные 11 и 13 ноября того же года в газете «Жизнь искусства» — «На Дворцовой площади» и «Концерт в Катериненштадте». Большая часть этих текстов вышла под заголовком «Дневник».

* *Бабель И.Э.* Сочинения: в 2 т. / вступит. статья Г.А. Белой, сост. и подгот. текста А.Н. Пирожковой, коммент. С.Н. Поварцова. М.: Худож. лит., 1990. С. 362–435.

** *Бабель И.Э.* Конармия: рассказы, дневники, публицистика. М.: Правда, 1990. С. 127–207.

Очерки Бабеля свидетельствуют о настоящем погружении молодого автора в революционную действительность. Он идет «по Петрограду, по городу замирания и скудости» («Битые»); посещает разные учреждения: станцию скорой помощи («Первая помощь»), скотобойню («О лошадях»), приют для недоношенных детей, где кормилицам выдают лишь «по три восьмых хлеба» («Недоноски»), морг, куда ежедневно привозят «тела расстрелянных и убитых», но их «не хоронят, потому что не на что хоронить» («Битые»), «дворец материнства» (родильный дом нового образца для «матросских и рабочих жен»), Балтийский завод («Эвакуированные»), приют для беспризорных детей («Заведеньице»), «убежище для слепых воинов», внутренняя архитектура которого не подходит для существования незрячих людей («Слепые»); побывал на собрании безработных Петроградской стороны («Я задним стоял») и т. д.

На первый взгляд в этих очерках только констатация фактов. На самом деле отношение их автора к происходящему выражено довольно четко. Скупое очерченные события свидетельствуют не в пользу новой власти. Например, в очерке «Эвакуированные»:

«Был завод, а в заводе — неправда. Однако в несправедные времена дымились трубы, бесшумно ходили маховики, сверкала сталь, корпуса сотрясались гудящею дрожью работы.

Пришла правда. Устроили ее плохо. Сталь померла. Людей стали рассчитывать. В вялом недоумении машины тащили их на вокзалы и с вокзалов.